

Четыре письма Горького

Есть утраты, с которыми время не примиряет. Напротив — оно немилосердно подтверждает их невозможность.

Три года, как нами потерян Горький...

Потерян ли? Нет, в щедром наследии его мысли и пера — Горький жив и бессмертен. Он с нами, неотъемлем от нас!

Слышатся вестие, заповедные слова, сказанные им за год до собственной кончины:

«Для писателя смерть является началом итога его работы».

Память неустанно воскрешает все, связанное с его именем, властно требует бережного запечатления каждого его шага, движения, слова...

Вспоминается, как органически чуждый профессиональной ревности, он восторженно отзывался о том или другом писателе, как радушно приветствовал проблеск дарования в младшем литераторе, с какой самоотверженностью учил новичков, руководил их первыми шагами, правил чужие рукописи.

В своих советах молодым авторам он неизменно наставлял начинающих учиться у старых мастеров, очень часто указывал при этом на Н. С. Лескова, как на «неподрожжаемого знатока речевого языка», «знаюка быта, «волшебника слова», который писал «не пластически, а —

А. ЛЕСКОВ

рассказывал и в этом искусстве не имеет равного себе». *

Такие отзывы о моем отце поощрили меня, в приезд Алексея Максимовича из Италии в 1928 г., предложить ему осмотреть у меня архив и некоторые реликвии Лескова.

Зная, какой натиск нужных и ненужных ему людей претерпевал он в Ленинграде, я не решился беспокоить его, тогда как раз прихворнувшего, личным посещением я послал ему 6 сентября письмо.

Ответ пришел уже из Москвы:

«Искренно сожалею, — Андрей Николаевич, — о том, что нездоровье не позволило мне посетить Вас. Вероятно в конце месяца я снова приеду в Ленинград и не премину посетить вас.

В пушкинском доме находится

*) От редакции. В «Литературной газете» от 15 июня с. г. напечатаны интереснейшие материалы — заметки Горького о пятилетнем перспективном плане изучения классиков, составленном Н. К. Крушекой.

О Н. С. Лескове Алексей Максимович пишет:

«Лесков. Нужно издать: «Очарованный странник», «Овцебык», «Вечер», «В агитации», рассказ об Иоанне Кронштадтском, несколько крестьянских рассказов, «Несмертельный Голован» и некоторые «исторические анекдоты». Лесков характерен отрицательным отношением к деревне и высоко ценен знанием языка, богатством лексики».

том рассказов Лескова, изданных в США на английском языке и тоже с моим предисловием. Книга имела серьезный успех, и американский издатель спросил — письмом — переводчику: не может ли она сообщить ему адрес мистера Н. Лескова?

Это не смотря, что в предисловии сказано о кончине автора. Впрочем — издатели вообще не читают книг.

Всего доброго.

А. Пешков».

19.IX.28.

М.

Доброго намерения этого Алексею Максимовичу выполнить не привелось: в Москве он занедужил сильнее и, уже не выезжая в Ленинград, вернулся оттуда в Сорренто.

Два года спустя, 27 декабря 1930 года, я сообщил ему, что натолкнул издательство «Академия» на издание, в столетие со дня рождения Лескова (1831—1931 гг.) однотомника, в котором предлагал эниграфом слова Инокова из «Жизни Клина Самгина» (ч. I) — «Но он, Лесков, пронзил всю Русь».

Попутно я отметил упоминание Лескова ни одним (кроме литературного) из наших календарей, предположение «Академия» издать лесковский шеститомник и желание предпослать ему вводную статью Алексея Максимовича к «Избранным сочинениям Лескова» 1923 года, на что просил его согласия. На это он писал:

«Уважаемый Андрей Николаевич —

если мою статейку о Н. С. найду нужным присоединить к изданию шеститомника — я ничего

не буду иметь против и даже не-
скольکو исправлю ее.

А писать для одиотомника, из-
даваемого «Академией» — совер-
шенно не в силах, нет времени.
Пишу я медленно и трудно, нако-
пилось масса очень спешной ра-
боты. «Литературное бешенство»,
возвращая, эта статья знакома
мне, даже, кажется, есть в сбор-
нике статей по вопросам литера-
туры, собранных мною из различ-
ных журналов и переплетенных.

Будьте здоровы!

А. Пешков.

29.I.31.

Оговариваюсь, что о вступитель-
ной статье к одиотомнику я в сво-
ем письме не говорил. Шеститомник
не вышел. Посылавшаяся мною
статья Лескова «Литературное бе-
шенство» была помещена в апрель-
ской книжке «Исторического вестни-
ка» за 1883 год.

Прошло еще почти три года.
4 августа 1933 г. я послал Алек-
сею Максимовичу кое-что из «Ле-
сковяныи», в том числе и неиздан-
ный отповский рассказ «Админист-
ративная грация». К слову, в пись-
ме я коснулся и газетных заметок
об ожидавшемся тогда массовом пе-
реименовании улиц, вспомнив и об
отсутствии в течение 38 лет мемо-
риальной доски на доме, в котором
прожил последние восемь лет и
скончался Лесков. Ответ не за-
медлил:

«Уважаемый Андрей Николае-
вич, будьте добры сообщить: пе-
чатались ли статья Н. С.
«Административная грация».

«Если не печаталась—можно
ли опубликовать ее в «Альма-
нахе год XVI»? И—если последнее
можно—сообщите: когда написа-
на статья? Не известны ли вам
подлинные имена фигур, о кои-
она повествует?

По поводу мемориальной доски

и переименования Б(и)рочной в
ул. Лескова напишу, куда сле-
дует.

«Академией» издан том «Из-
бранных рассказов» Николая Се-
меновича. «Некуда»—тоже будет
издано «Академией», вместе с
«Бесами» и «Взбаламученным
морем».

Полное собрание сочинений—
невозможно, ибо потребовало бы
пересмотра всего плана изданий
«Ак.» на 34—35 гг. Да и бума-
ги нехватает.

Всего доброго.

А. Пешков.

20/VIII. 33.

Без промедления я выслал все,
в свое время подобранные для ком-
ментирования рассказа, сведения, и
«Грация» появилась в 1934 г. в
четвертой книжке альманаха «Год
XVII».

Наконец, дописав мою большую
работу о днях и трудах Лескова,
я 16 сентября 1935 г. отправил
Алексею Максимовичу ее план,
вступление, послесловие и ряд глав.
На это, через шесть дней, я прочел
четвертое и, увы, оказавшееся уже
последним его ко мне письмо:

«Уважаемый Андрей Николае-
вич.—письмо Ваше я направил
в «Ирли», с предложением Васи-
лию Алексеевичу Десницкому
ознакомиться с работой Вашей и
способствовать изданию ее.

Намерен хлопотать и об издании
избранных сочинений Н. С.,
чем займусь зимою. Кстати—со-
общаю вам анекдот о влиянии
рассказов Н. С. на американцев:
несколько лет тому назад в Нью-
Йорке был издан том сочинений
Н. Лескова с маленьким моим
предисловием. Книга быстро разо-
шлась и, хотя в предисловии
было сказано, что автор скончался,
издатель прислал письмо с
просьбой «сообщить адрес мисте-

ра Лескова», необходимый для
личных с ним переговоров об
издании следующих его работ.

Будьте здоровы.

М. Горький.

21/IX. 35.

Несколько строк из упоминаемого
здесь письма Алексея Максимовича
к В. А. Десницкому приведены в
статье последнего, предислании
пяти главам из моей работы, опубли-
кованной в мартовской книжке
«Литературного современника» за
1937 год.

Горький говорил, что ему «ка-
жется», что «мы зря «держим под
спудом» эту работу.

Далее он писал: «Уверен, что сия
мощи, будучи вскрыты, окажут чу-
додейственное влияние на оздоров-
ление русского языка, на ознаком-
ление с его красотой и остротой,
гибкостью и хитростью. Все эти ка-
чества нашего языка покойному
Лескову были отлично известны, и
ты знаешь, что владел он ими
превосходно».

Видеться с Алексеем Максимови-
чем мне так никогда и не довелось.

Утешаешься письмами, подкупа-
ющая простота и отзывчивость ко-
торых чаруют и согревают...

Зная, как значительно и ценно
каждое слово Алексея Максимовича
для нашей общественности, долгом
почел поделиться с нею хотя бы и
тем немногим, что выпало на мою
долю.

А примириться с его смертью
нет сил! Цепенеешь от боли и гне-
ва при мысли, что он еще мог
жить, работать, быть с нами! Что
он отнял от нас гнусными убийца-
ми и предателями.

Проклятие им от всех, любящих
свою родину.

Слава, неизбывная память, бла-
годарность и любовь ему—великому
сыну великого народа.